

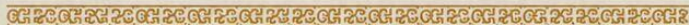
12+

ЛУЧШИЕ ОРАТОРСКИЕ РЕЧИ

Книга 8

ВИЗАНТИЯ

Великие судебные речи
обвинения и защиты

МЕЛКОВ АЛЕКСЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ

Алексей Мелков
Лучшие ораторские
речи. Византия

<https://litres.ru/74590789>

ISBN 9785007144162

Аннотация

Византия унаследовала Рим, но научилась говорить иным голосом. В ее судах продолжало действовать римское право; в школах изучали античных риториков; императоры издавали законы, рассчитанные не только на подчинение, но и на объяснение своей власти. Рядом с юридической речью возникла кафедра христианского проповедника, способного спорить с богатством, чиновниками и самим двором.

Эта книга рассматривает византийское красноречие не как собрание эффектных цитат, а как историю аргумента.

Содержание

ЛУЧШИЕ ОРАТОРСКИЕ РЕЧИ	6
Книга 8	7
МЕЛКОВ АЛЕКСЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ	8
От автора	8
Хронологическая карта книги	10
ЧАСТЬ 1	12
РИМ, КОТОРЫЙ СТАЛ ВИЗАНТИЕЙ	12
Глава 1. Что изменилось в слове после Константина	13
Глава 2. Император как законодатель и защитник веры	15
Глава 4. Римское право и новая нравственная риторика	18
ЧАСТЬ 2	20
ИОАНН ЗЛАТОУСТ. ОРАТОР ПРОТИВ СТРАХА	20
Глава 5. Почему Иоанна называли Златоустом	21
Глава 6. Антиохия после разрушения императорских статуй	23
Глава 8. Флавиан идет просить императора о милости	26
Глава 9. Защитительная речь за целый город	28
Глава 11. Богатство, суд и социальная	31

несправедливость	
Глава 12. Когда проповедник становится опасен двору	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Лучшие ораторские речи. Византия

**Алексей
Валерьевич Мелков**

© Алексей Валерьевич Мелков, 2026

ISBN 978-5-0071-4416-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЛУЧШИЕ ОРАТОРСКИЕ РЕЧИ

Книга 8

ВИЗАНТИЯ

Великие судебные речи обвинения и защиты

МЕЛКОВ АЛЕКСЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ

Авторская редакция №1

2026

© Мелков Алексей Валерьевич, 2026

От автора

Византия унаследовала Рим, но научилась говорить иным голосом. В ее судах продолжало действовать римское право; в школах изучали античных риториков; императоры издавали законы, рассчитанные не только на подчинение, но и на объяснение своей власти. Рядом с юридической речью возникла кафедра христианского проповедника, способного спорить с богатством, чиновниками и самим двором.

Эта книга рассматривает византийское красноречие не как собрание эффектных цитат, а как историю аргумента. Нас интересует, как оратор добивается права быть услышанным; как признает очевидный факт и спорит о мере наказания; как отличает закон от произвола; как церковный собор превращается в спор о процедуре; как дипломатическое письмо заменяет публичную трибуну; как историк одновременно восхваляет власть и выносит ей поздний приговор.

Источники Византии требуют осторожности. Проповеди могли редактироваться при переписывании, соборные акты сохраняют процессуальную форму, но не современную стенограмму, хронисты литературно обрабатывали диалоги, а легендарные последние речи императоров часто известны только по поздней традиции. Поэтому в книге всегда разграничиваются: сохранившийся текст, исторический рассказ о речи и современная литературная реконструкция.

Литературные реконструкции в финальной антологии не являются переводами и не должны цитироваться как подлинные слова исторических лиц. Их задача — собрать в цельное выступление подтвержденные источниками обстоятельства, аргументы и риторическую логику эпохи.

Хронологическая карта книги

IV век — Константин Великий и формирование христианской императорской риторики.

IV век — Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст и расцвет христианского ораторства.

387 год — антиохийский мятеж и цикл «Бесед о статуях» Иоанна Златоуста.

381 год — Второй Вселенский собор и прощальная речь Григория Богослова.

V век — христологические споры, Эфесский и Халкидонский соборы.

VI век — Юстиниан I, Corpus Juris Civilis, восстание «Ника» и политическая риторика двора.

VI век — Прокопий Кесарийский: официальная история и «Тайная история».

VIII—IX века — иконоборчество и защитительные речи Иоанна Дамаскина.

IX век — патриарх Фотий, письма, полемика и дипломатия.

XI век — Михаил Пселл и придворная историческая риторика.

XV век — Флорентийская уния, Марк Эфесский и последние дипломатические споры империи.

1453 год — падение Константинополя и легендарная по-

следняя речь Константина XI.

ЧАСТЬ 1

РИМ, КОТОРЫЙ СТАЛ ВИЗАНТИЕЙ

Глава 1. Что изменилось в слове после Константина

Империя не проснулась однажды утром византийской. Рим продолжал жить в законах, армии, титулатуре и представлении правителя о собственной власти. Но язык этой власти постепенно менялся. Рядом с древней формулой государственной пользы появляется другой аргумент: правитель отвечает не только перед людьми и политическим порядком, но и перед нравственной нормой, которая объявляется выше трона.

Это изменение создало новую риторическую вертикаль. Император оставался верховным судьей в огромном числе мирских вопросов, однако епископ мог обратиться к нему языком, который не признавал должность последним доказательством правоты. В таком споре сила сторон была неравной, но мера, к которой апеллировал оратор, провозглашалась общей для всех.

Для истории убеждения это принципиально. Пока власть говорит только: «я могу», спор почти невозможен. Как только она добавляет: «я могу, потому что это справедливо», появляется пространство для ответа: «покажите, в чем именно справедливость». Публичное оправдание власти одновременно становится критерием для суда над нею.

Современному юристу ситуация знакома. Закон один, а

стороны предлагают разные толкования. Спор происходит не только вокруг текста, но и вокруг права определить его смысл. Византия будет постоянно возвращаться к этой проблеме: император, патриарх, собор, юрист и историк нередко утверждают, что защищают не частный интерес, а правильное понимание высшего порядка.

Отсюда первый византийский урок: чем выше власть, тем важнее различать полномочие и правоту. Должность дает право решить вопрос. Она не делает доказанным каждое основание решения.

Глава 2. Император как законодатель и защитник веры

Чем сильнее власть, тем больше у нее соблазн представить собственное решение как самую справедливость. Но византийская законодательная традиция показывает обратное движение: императорские конституции и новеллы часто объясняют, какую проблему они намерены устранить, какую цель считают достойной и почему прежнее регулирование нуждается в изменении.

Так появляется особый жанр власти — мотивированный приказ. Формально исполнение обеспечивается авторитетом государства. Риторически же закон пытается показать, что он не является случайным движением воли. В этом смысле преамбула похожа на вступительную часть судебного решения: она соединяет властное «что» с проверяемым «почему».

Юридическое значение мотивировки трудно переоценить. Если человеку сообщают только результат, перед ним власть. Если ему показывают норму, установленные обстоятельства и путь от них к выводу, возникает возможность проверки. Разумеется, мотивировка может быть слабой, лицемерной или подгоняемой под уже принятое решение. Но сама необходимость мотивировать вводит дополнительную меру.

В Византии эта мера часто связывалась также с обязанностью правителя хранить православие. Это усиливало императорский этос, но одновременно увеличивало риск: религиозная формула могла использоваться для представления политического решения как неподлежащего обсуждению. Оратор-защитник поэтому должен был особенно внимательно разделять догмат, закон и конкретную политическую выгоду.

Для современного адвоката отсюда следует простое правило: когда перед вами авторитетный документ, не останавливайтесь на его форме. Читайте основание. Проверяйте, следует ли вывод из фактов, а факты — из доказательств. Торжественный язык не делает причинную связь крепче.

Глава 3. Можно ли спорить с человеком, власть которого почти безгранична

Представим советника перед императором. Он уверен, что принятое решение ошибочно. Сказать прямо опасно. Промолчать легче. Но если решение способно привести к катастрофе, молчание превращается из осторожности в нарушение обязанности.

Византийская риторика выработала несколько способов говорить с сильным адресатом. Первый — исторический пример. Вместо прямого «вы жестоки» оратор рассказывает о правителе прошлого, чья жестокость разрушила государство. Формально это история; психологически — зеркало.

Второй способ — библейская аналогия. Царь Давид, Набуфей, пророки, притчи о милости и суде предоставляли об-

ций нравственный язык. Адресат мог отвергнуть личное обвинение, но сложнее было отрицать принцип, который он сам признавал священным.

Третий способ — похвала как обязательство. «Государь известен милосердием» — это может быть лестью. Но следующее предложение способно превратить похвалу в норму: «поэтому невозможно представить, что невиновные будут наказаны вместе с виновными». Чем выше качество, приписанное адресату, тем заметнее противоречие, если он действует противоположно.

Однако у каждого приема есть предел. Исторический пример может быть ложной аналогией. Библейский образ — прикрытием собственного интереса. Похвала — придворной манипуляцией. Сила техники не освобождает от честности применения.

Поэтому профессиональная прямота не равна максимальной резкости. Хороший советник выбирает форму, которая дает истине шанс быть услышанной, но не изменяет ее содержание ради безопасности.

Глава 4. Римское право и новая нравственная риторика

Византия наследовала развитый юридический язык Рима: обязательство, собственность, наследство, правовой статус, иск, доказательство, процесс. Христианская культура добавила иной словарь: милость, покаяние, сострадание, прощение. Между двумя языками возникло напряжение, которое стало одной из главных тем византийского публичного слова.

Право требует меры. Милость смотрит на человека шире нарушения. Право стремится применять общую норму. Милосердие заставляет учитывать обстоятельства. Если милость превращается в личную прихоть правителя, одинаковые дела получают разные исходы. Если формальная норма перестает видеть человека, наказание может быть законным по форме и разрушительным по цели.

Судебная речь постоянно живет между этими полюсами. Защитник не обязан отрицать очевидное. Иногда сильнее признать доказанное и перенести спор на значение, виновность конкретного лица, меру ответственности и последствия. Этот прием станет центральным в антиохийском кризисе 387 года.

Мятежники действительно повредили императорские изображения. Отрицать это бессмысленно. Но из факта бес-

порядков еще не следует коллективная вина целого города. Возникают вопросы: кто действовал? кто присутствовал? кто пытался остановить? можно ли наказывать семью за действие толпы? какова цель реакции — месть, устрашение или восстановление порядка?

Так византийская проповедь внезапно оказывается близка юридической логике: признать факт, разделить участников, индивидуализировать ответственность и спросить, соответствует ли мера наказания цели справедливого управления.

ЧАСТЬ 2

ИОАНН ЗЛАТОУСТ. ОРАТОР ПРОТИВ СТРАХА

Глава 5. Почему Иоанна назвали Златоустом

Источник: Иоанн Златоуст, «Беседы о статуях»; цикл проповедей в Антиохии, 387 г.

Сила Иоанна Златоуста не в количестве красивых афоризмов. Он умеет вести аудиторию через изменение состояния. Его слушатели приходят испуганными, раздраженными или самоуверенными; через несколько страниц речи они уже вынуждены смотреть на собственную роль иначе.

Златоуст постоянно предугадывает возражение. «Ты скажешь...» — и далее следует лучшая версия возможного ответа аудитории. Такой прием важнее эффектной фразы: оратор показывает, что спорит не с карикатурой, а с настоящим сомнением слушателя.

Он охотно использует бытовую деталь. Богатство сравнивает не абстрактно, а через дом, одежду, стол, долг. Страх города — через пустые площади, ожидание посланника, слухи о решении императора. Из конкретной картины он поднимается к нравственному правилу.

Особенно важно, что он способен критиковать собственную аудиторию. Легко убедить людей, сказав, что они невинные жертвы. Труднее сказать: бедствие должно заставить посмотреть и на собственные пороки. Такой оратор рискует по-

пулярностью, но приобретает иной капитал — доверие к тому, что он не продает слушателям удобное оправдание.

Для адвоката здесь важен принцип: уважение к доверителю не требует отрицать каждую ошибку доверителя. Иногда профессиональная честность заключается в том, чтобы признать слабый факт раньше противника и тем самым сохранить доверие для главного спора.

Глава 6. Антиохия после разрушения императорских статуй

Источник: Иоанн Златоуст, «Беседы о статуях»; Сократ Схоластик; Созомен.

Антиохия 387 года дает почти идеальный материал для изучения защитительной речи. На фоне налогового недовольства толпа уничтожает и оскорбляет императорские изображения. Для позднеримского политического сознания это не бытовой вандализм, а удар по самой фигуре государя.

После вспышки приходит страх. Город ожидает чрезвычайного наказания. Люди покидают привычные занятия, слухи усиливают панику, аресты заставляют каждого видеть опасность рядом с собственным домом. Епископ Флавиан отправляется к Феодосию просить о прощении.

Защита города не может строиться на полном отрицании: событие слишком известно. Не может и утверждать, что виноваты все одинаково. Поэтому сильная позиция должна разделить объект осуждения. Есть конкретные участники беспорядков. Есть жители, которые не участвовали. Есть дети, старики, ремесленники, семьи. Есть город как политическое целое.

Это разделение меняет сам вопрос. Не «было ли оскорбление императора?» — было. А «какой ответ превращает спра-

ведливое наказание виновных в несправедливое наказание невинных?»

Так возникает логика индивидуализации. Толпа как эмоциональный образ легко превращает жителей в одно виновное тело. Право должно сделать обратное: снова увидеть людей отдельно.

Антиохийский кризис показывает важнейшее различие между общественным возмущением и судебной оценкой. Первое любит коллективные ярлыки. Вторая обязана устанавливать конкретное действие конкретного человека.

Глава 7. Как говорить толпе, которая ожидает казни

Аудитория в состоянии паники плохо слышит длинную аргументацию. Человек возвращается к одному вопросу: что будет со мной? Поэтому оратор, обращающийся к испуганному городу, сначала должен восстановить способность слушать.

Златоуст не предлагает пустого успокоения. Он не говорит: «ничего не случится», потому что не знает решения императора. Ложная уверенность разрушила бы доверие при первом тревожном известии. Вместо этого он отделяет неизвестное от известного. Неизвестен итог посольства. Известно, что страх уже заставляет город жить так, будто приговор вынесен.

Дальше он меняет временной горизонт. Паника хочет прожить только сегодняшний час. Проповедник предлагает

использовать время ожидания: исправить отношения, прекратить привычные пороки, помочь слабому, увидеть, насколько хрупкими оказались прежние гарантии благополучия.

Это не уход от политической проблемы. Это способ вернуть аудитории действие. Человеку легче переносить страх, когда он знает, что способен сделать сейчас. Нечеткая опасность парализует; конкретная задача собирает внимание.

В судебной речи аналогичен момент, когда доверитель после плохого эпизода требует немедленно отрицать все. Профессионал сначала разделяет: что уже доказано, что неизвестно, что можно проверить, какие документы нужны, какие риски нельзя устранить. Структура уменьшает панику.

Следовательно, сильное кризисное красноречие не обещает невозможного. Оно превращает беспорядочный страх в последовательность действий.

Глава 8. Флавиан идет просить императора о милости

Источник: Речь Флавиана известна через литературное изложение Иоанна Златоуста и церковно-историческую традицию; это не современная стенограмма.

Поездка епископа Флавиана к Феодосию важна потому, что здесь защитник представляет не одного человека, а целый город. В традиции, пересказанной Златоустом, его ходатайство строится не на отрицании оскорбления, а на преобразовании самого значения прощения.

Император может наказать и тем самым показать силу. Но прощение позволяет показать качество, которое наказанием доказать труднее: способность властвовать над собственным гневом. Защитительная стратегия дает сильному адресату иной способ сохранить достоинство.

Это чрезвычайно тонкий ход. Если проситель говорит: «не наказывайте, потому что вы не имеете права», государь воспринимает речь как спор о полномочии. Если же он признает право на наказание, но показывает, что милость создаст более высокую славу, спор переносится с силы на образ справедливого правителя.

Важен и аргумент о коллективе. Оскорбление совершила

часть людей, а последствия грозят всем. Защитник заставляет увидеть тех, кто не присутствовал при мятеже, тех, кто не имел отношения к действиям толпы. Без этой индивидуализации политический гнев превращается в слепое наказание территории.

Наконец, ходатайство работает с памятью. Разрушенная статуя может быть восстановлена. Уничтоженный город и погибшие люди не возвращаются. Оратор сравнивает обратимость двух видов ущерба.

Для современного юриста это классический аргумент соразмерности: даже доказанная вина не освобождает суд от вопроса, соответствует ли мера последствиям и цели наказания.

Глава 9. Защитительная речь за целый город

Защищать отдельного обвиняемого проще хотя бы потому, что границы объекта ясны. Город — коллектив. В нем существуют виновные, бездействовавшие, испуганные, дети, приезжие, люди, которые могли пытаться остановить беспорядки. Коллективное имя стирает эти различия.

Поэтому первая задача защитительной речи за город — разрушить грамматику общей вины. Не «Антиохия оскорбила императора», а «в Антиохии группа участников совершила такие-то действия». Формулировка кажется менее выразительной, но юридически она честнее.

Вторая задача — не уничтожить общественную ответственность полностью. Если защитник объявит весь город безупречным, он перестанет звучать правдоподобно. Сильнее признать, что беспорядок выявил реальные проблемы и что общество должно на них ответить, не превращая это в основание для наказания невиновных.

Третья задача — предложить позитивный результат милости. Прощение не должно выглядеть слабостью власти. Оно может быть представлено как средство вернуть город к лояльности, превратить страх в благодарность и показать различие между сильным правителем и мстящим частным человеком.

Так речь строится не на одной эмоции жалости, а на нескольких этажах: индивидуализация ответственности, соразмерность, цель наказания, политическая польза милости и сохранение достоинства правителя.

Эта архитектура пережила эпоху. В современных делах защита сильнее, когда не просит снисхождения в пустоте, а показывает правовую и общественную логику более мягкого решения.

Глава 10. Почему признание вины иногда сильнее полного отрицания

Человек, оказавшийся под угрозой, естественно хочет отрицать все. Но отрицание очевидного имеет высокую цену. Если аудитория знает факт, спор с фактом превращает оратора из защитника в человека, готового сказать что угодно.

Златоустовский антиохийский цикл показывает другой путь: признать тяжесть совершенного и спорить о том, какое значение это имеет для остальных и какую меру следует считать справедливой. Такое признание экономит доверие.

В современном суде это различие часто решающее. Допустим, получение денег подтверждено выпиской. Защита может бессмысленно отрицать поступление или поставить точный вопрос: доказано ли, что деньги были платой за незаконное действие? Факт остается. Его юридический смысл еще нужно установить.

Признание может также сузить спор. Вместо десяти второстепенных конфликтов стороны сосредотачиваются на

трех настоящих вопросах. Суд легче слушает оратора, который не заставляет его тратить внимание на доказанное.

Но признание не должно быть театральным приемом без согласования с реальной позицией. Оно требует точности: что именно признается — действие, обстоятельство, нарушение, вина, правовая квалификация? Эти понятия нельзя смешивать.

Профессиональная сила состоит не в том, чтобы признать больше, чем доказано, а в том, чтобы не отрицать меньше, чем очевидно. Между этими границами и появляется доверие.

Глава 11. Богатство, суд и социальная несправедливость

Златоуст постоянно возвращается к богатству не потому, что богатый человек автоматически виновен, а потому, что экономическое неравенство легко превращается в неравенство голоса. Человек с ресурсом может нанять посредника, добиться доступа, пережить штраф, отложить исполнение. Бедный чаще сталкивается с властью без подобных амортизаторов.

Ораторская задача здесь опасна. Можно вызвать ненависть к богатым вместо критики злоупотребления. Тогда социальная речь сама становится несправедливой. Златоуст сильнее там, где критикует не наличие имущества, а нравственную слепоту к тому, как оно приобретено и используется.

Для судебной психологии особенно важно различать статус и доказательство. Богатство обвиняемого не доказывает преступления. Бедность потерпевшего не доказывает правоту. Но неравенство ресурсов может влиять на доступ к доказательствам, качество представительства и способность долго защищать свою позицию.

Поэтому справедливый процесс не должен делать вид, будто формальное равенство автоматически устраняет реальную асимметрию. Стороны могут иметь одинаковое ко-

личество минут и совершенно разные возможности подготовить речь.

Отсюда следует тонкое правило: суд не обязан выравнивать исход, но процедура должна стремиться выравнивать право быть услышанным. Это различие защищает и от популизма, и от власти кошелька.

Социальная проповедь Златоуста важна для истории красноречия потому, что заставляет видеть невидимого участника любой речи — положение говорящего в системе сил.

Глава 12. Когда проповедник становится опасен двору

Проповедник удобен власти, пока призывает к добродетели вообще. Опасность начинается тогда, когда общий принцип получает конкретный адрес. Несправедливость перестает быть абстракцией и связывается с привычками двора, роскошью, фаворитизмом или конкретной политикой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.